

Линь Цзиньчжи начал тайно убеждать министров, присягнувших Хань Чжэну, чтобы те поскорее одумались, а также втайне передал восточку князю Синю, чтобы тот был готов в любой момент спасти императора.

Хотя можно было действовать и грубой силой, Линь Цзиньчжи не хотел причинять вреда Хань Чжэну: в конце концов, тот был его близким другом.

Поэтому Линь Цзиньчжи пришлось избрать этот путь.

Хань Чжэн ничего не знал об этих приготовлениях. Дни шли своим чередом, и однажды Хань Чжэн снова очнулся от тьмы.

Его медовая грудь тяжело вздымалась, а холодный пот пропитал пряди волос.

Хань Чжэн стиснул зубы и с силой ударил по кровати. Обладая недюжинной силой, он одним этим движением разнес ложе в щепки.

Он ненавидел себя за то, что даже во сне видел этого распутного императора, чьи черты лица искажались от страсти.

Стоило лишь вспомнить тот сон, как во рту у Хань Чжэна пересохло, а в глубине души вспыхнула глубокая ненависть.

И не только к Чу Яню, но и к самому себе.

Хань Чжэн переоделся в чистые одежды и, ведомый лунным светом, вышел за дверь. Грушевые деревья снаружи уже полностью отцвели, и в воздухе чувствовалось приближение увядания; стоило пройти через сад, как на одежде оседали лепестки, белые, словно снег.

Хань Чжэн вошел в покои и при свете яркой луны принялся разглядывать Чу Яня.

Цепи на ногах Чу Яня были сняты, остались лишь те, что сковывали шею и руки. Ключ был у него самого, и никто не мог его забрать.

Когда он очистит дворец от приспешников императора и приберет к рукам всё государство Сяо, тогда он и казнит этого нерадивого правителя.

Пока они на границе насмерть стояли, защищая Сяо, этот распутный император наслаждался роскошью во дворце и даже погубил названного брата, который когда-то вырастил его.

Хань Чжэн знал, что не должен больше смотреть, но всё, что представало перед его взором, приковывало взгляд.

В этот миг в окно влетела птичка и опустилась на перила снаружи опочивальни.

Чу Янь очнулся от сна и, увидев маленькую птицу, на мгновение замер. Он осторожно подошел к краю, разломил кусочек пирожного с османтусом и, положив крошки на ладонь, словно собрался покормить пернатого гостя.

Чу Янь медленно приблизился к птице и поднял руку. Шёлковая нательная рубашка соскользнула, обнажив белоснежную тонкую руку — полоска мягкого, словно снег, цвета.

В его глазах читались надежда и тепло. Птица, привлеченная угощением, перелетела на его ладонь, чтобы поклевать крошки.

На лице Чу Яня, который обычно никогда не улыбался, медленно расцвела улыбка.

Яркий лунный свет проникал сквозь окно, подобно полупрозрачной вуали. Его улыбка была столь прекрасна, в ней не осталось ни капли жажды убийства или ненависти, лишь покой. Хань Чжэн замер, глядя на это, и его сердце бешено заколотилось.

В тот миг это зрелище было поистине ошеломляющим.

— Хань Чжэн до сих пор не вошел ко мне, а ведь я зря днем плел воспоминания для этой птички, чтобы она прилетала сюда играть по вечерам.

— Хозяин... плетение воспоминаний так не используется!

— Я всего лишь вложил в неё память о том, как я спас её, вот и всё. К тому же, разве эта картина не прекрасна? Какой мужчина устоит перед таким?

— ...

— Даже если я узник, я всё равно буду выглядеть великолепно!

— Ты ведь создал эту картинку специально для Линь Цзиньчжи? А Хань Чжэн наткнулся на неё случайно?

— Хе-хе.

Не думай, что сможешь обвести меня вокруг пальца, просто притворяясь милым!

Система чувствовала, как сильно болит её сердце. В этот самый момент, вопреки ожиданиям, Хань Чжэн действительно вошел внутрь.

Чу Янь пришел в восторг, но ни в коем случае не должен был подать виду!

Стоило ему увидеть лицо Хань Чжэна, как он вновь принял равнодушный вид. Птица тут же улетела.

У Хань Чжэна был ключ, и он отпер дверь во внутренние покои.

Его голос звучал пугающе:

— Почему ты можешь быть таким нежным с птицей, но так жесток с людьми?

Чу Янь поднял на него взгляд:

— Жесток? И что с того?

Хань Чжэна охватил гнев, ему нестерпимо захотелось убить этого распутного императора, что ни во что не ставил людские жизни!

Он ненавидел себя за то, что продолжал видеть сны о таком человеке — это было просто отвратительно.

Глаза Хань Чжэна налились кровью, на руках вздулись вены. Глядя на эту тонкую шею, он никак не мог заставить себя нанести удар.

— У такого, как Ваше Величество, оказывается, есть те, кто беспокоится о вас. Князь Синь уже не раз наведывался во дворец.

— Что ты хочешь этим сказать?

Хань Чжэн холодно усмехнулся:

— Быть может, Ваше Величество считаете человеческие жизни травой, и тех, кого вы не знаете, можно убивать без раздумий? Например, подвергать четвертованию, когда лошади разрывают конечности, а в конце — голову!

Чу Янь холодно посмотрел на него:

— ...Кто ты такой?

— Ваше Величество и сами прекрасно знаете.

Он действительно знал... Ведь за последние годы, насколько ему было известно, такой казни подвергся лишь один человек.

Лицо Чу Яня побелело; каждый раз, когда он вспоминал ту картину, его мучили кошмары.

Даже спустя годы они не отступали.

Видя, что тот молчит, Хань Чжэн прошептал ему на ухо:

— Если бы князь Синь подвергся такой казни, Ваше Величество больше не считали бы, что жизни тварей ценнее человеческих.

Тело Чу Яня напряглось.

Хань Чжэн с удовлетворением наблюдал за его реакцией и напоследок добавил:

— ...Гао Хуа еще жив, разве Ваше Величество не дорожите его жизнью так же сильно? Я бы хотел выяснить, почему вы так нежны с евнухом.

— Ты!

Хань Чжэн рассмеялся, и в его суровых чертах лица промелькнула мягкость.

Наконец он вышел, и его фигура постепенно растворилась вдали.

В опочивальне снова остался лишь Чу Янь. Лунный свет холодно падал на него, лицо императора было полно растерянности. Наконец он тихо и с горечью прошептал:

— И то верно, быть скованным — это утомительно... так утомительно, что хочется закрыть глаза навсегда.

Возможно, он сказал это, полагая, что Хань Чжэн уже далеко.

Но Хань Чжэн долгие годы обучался боевым искусствам и мог расслышать даже самый тихий звук, к тому же он стоял всего лишь за дверью.

Хань Чжэн обернулся и посмотрел на Чу Яня в комнате. Он заметил, что лицо императора было

мертвенно-бледным, тело слегка дрожало, и когда он вернулся на свое место, каждый шаг давался ему с огромным трудом.

Будто под ногами была гора ножей и море огня, а каждый шаг вонзал иглы в его ступни.

Он сам загнал себя в грязь и больше не ждал чистоты.

Так он и увяз в этом.

Железные прутья стали оковами, а его сердце — темницей, из которой не было выхода.

Глава 10

Хань Чжэн не знал, что у него сейчас на душе, лишь чувствовал... невыносимую тяжесть.

Почему, чем чаще он видел Чу Яня, тем больше жалости тот вызывал у него?

Хань Чжэн пытался утопить печаль в вине, постоянно напоминая себе о несправедливо погибшем названом брате, но внутри была лишь ледяная пустота.

Он начал расследование, но после восшествия Чу Яня на престол все слуги, знавшие правду, были перебиты.

Хань Чжэн потратил несколько дней, но все ниточки обрывались, осталась лишь одна.

Это был ныне здравствующий князь Лин. Император перебил всех, но оставил в живых только его, заточив в уединенном дворце.

Хань Чжэн отправился туда. Он обладал выдающимися навыками, и даже несмотря на охрану, легко перемахнул через стену, не будучи замеченным.

Князь Лин был одет в простую льняную одежду, но это не скрывало его благородства. Увидев Хань Чжэна, он тихо спросил:

— Вы... кто?

В глазах Хань Чжэна мелькнуло сомнение:

— Ваше Высочество, я — Хань Чжэн.

— О, так это великий полководец. — Улыбка князя Лина стала искренней. — Что привело вас ко мне тайком?

Но расстояние между ними было таким большим, что Хань Чжэну казалось, будто он смотрит на цветы сквозь туман, всё больше теряя ясность.

— Думаю, Ваше Высочество уже догадались.

В те времена князь Лин из-за употребления Порошка холодного камня имел вспыльчивый характер, но его не лишили статуса наследника лишь благодаря выдающимся успехам в управлении страной.

Хоть его и сослали в уединенное поместье, это было лишь временно.

Даже если у дикого зверя вырвать клыки, он всё равно остается зверем.

Князь Лин слегка кивнул и пригласил его сесть. Они проговорили весь вечер.

Когда Хань Чжэн вернулся во дворец, его лицо было мрачнее тучи. Он сам не заметил, как ноги привели его к покоям Чу Яня. Он увидел, как Линь Цзиньчжи нежно гладит Чу Яня по лицу, пока тот спит тяжелым сном, окутанный аурой печали.

Хань Чжэну это показалось невыносимым, и он вдруг вспомнил слова князя Лина.

Он нахмурился и поспешно ушел.

Он стал проявлять осторожность по отношению к Линь Цзиньчжи и начал расследовать недавние события.

Результат поверг Хань Чжэна в шок: расстановка сил во дворце изменилась, Линь Цзиньчжи явно что-то затевал.

Его лицо посинело, он сжал зубы:

— И правда, как сказал князь Лин, Цзиньчжи проявил слабость...!

Если так пойдет и дальше, этот распутный император выберется из своей клетки, и последствия будут невообразимы. Ему самому было всё равно, но как же его братья, что последовали за ним с границы?

В глазах Хань Чжэна мелькнула боль, и он принял решительное решение.

Объединиться с князем Лином и уничтожить влияние клана Линь.

Линь Цзиньчжи было отрадно видеть, что в последнее время Чу Янь послушно ест.

Он кормил его с ложечки, и тот покорно принимал пищу.

Они больше не противостояли друг другу, и для Линь Цзиньчжи такие дни были прекрасны, словно сон.

Линь Цзиньчжи внезапно спросил:

— Ваше Величество, хотите выйти прогуляться?

— Я скован цепями, как я могу выйти?

Чу Янь удивленно поднял голову, в его черных глазах читалось недоверие.

Линь Цзиньчжи понял, что тот подозревает его, и его радостное настроение мгновенно угасло.

Он слишком расслабился, раз решился проявить заботу о Чу Яне.

Линь Цзиньчжи глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки:

— Не берите в голову.

Голос Чу Яня был хриплым:

— Что ты снова задумал?

Линь Цзиньчжи заметил странный тембр его голоса и нахмурился. Присмотревшись, он увидел следы от удушья на шее Чу Яня, там, где прилегал железный обруч. Взгляд Линь Цзиньчжи похолодел:

— Это...

Чу Янь в панике опустил голову и отвел взгляд, прикрыв это место рукой.

Линь Цзиньчжи нахмурился еще сильнее:

— Кто тебя душил?

Чу Янь не хотел говорить, даже намеренно скрывал это, иначе не стал бы специально прикрывать следы железным обручем.

Линь Цзиньчжи охватил гнев:

— Какой же это слуга! Как он посмел!

Чу Янь посмотрел на него сложным взглядом:

— А кто, кроме вас, мог это сделать?

Гнев Линь Цзиньчжи утих, дыхание сбилось.

Он сам совершал подобное... но не думал, что Хань Чжэн тоже...

Линь Цзиньчжи не находил слов, но в груди неприятно заныло.

Это не было чем-то почетным, и Чу Янь не хотел продолжать разговор. Он сжал губы и спросил:

— Как там Гао Хуа?

В этих безжизненных глазах читалась забота лишь о Гао Хуа.

Линь Цзиньчжи почувствовал еще большую боль. Столько всего он сделал для Чу Яня за эти дни... даже задействовал все силы клана Линь, а тот всё равно беспокоится только об евнухе.

Как же Линь Цзиньчжи хотел, чтобы взгляд Чу Яня снова обратился на него, хотя бы с капелькой заботы.

Но другой голос в глубине души постоянно напоминал ему, что он сам не ценил этого.

Линь Цзиньчжи опустил руки:

— Гао Хуа... идет на поправку.

Чу Янь словно выдохнул с облегчением:

— Вот и хорошо.

Линь Цзиньчжи не хотелось здесь оставаться, и он почти сбежал.

Сейчас нельзя ни о чем думать... главное — узнать у князя Лина правду о близком друге Хань Чжэна.

Перед выходом из дворца он увидел Хань Чжэна, прогуливающегося в императорском саду.

— Цзиньчжи, ты уходишь из дворца?

— Да.

Хань Чжэн опустил глаза:

— Мы, кажется, давно не разговаривали по душам...

Линь Цзиньчжи торопился к князю Лину и не хотел много говорить. Но, видя состояние Хань Чжэна, невольно нахмурился:

— У тебя есть что мне сказать?

Хань Чжэн приоткрыл рот:

— Что ты сейчас чувствуешь к Его Величеству?

Линь Цзиньчжи замер.

— Радость или ненависть? — Хань Чжэн, казалось, жаждал получить ответ.

Линь Цзиньчжи знал, что нельзя выдавать себя, и ответил:

— Разумеется, ненависть!

Хань Чжэн наконец отбросил последние крупницы искренности и доверия и, улыбнувшись Линь Цзиньчжи, сказал:

— Я понял.

Линь Цзиньчжи глубоко вздохнул и с твердым взглядом покинул дворец.

Прибыв в уединенное поместье, он обнаружил, что люди Чэн Ханя убиты у входа. Когда он собрался вернуться во дворец, Чэн Хань, весь в крови, протянул к нему руку.

— Господин...

Из рта Чэн Ханя текла кровь, Линь Цзиньчжи подбежал и схватил его за руку.

— Держись! Его Величество не хотел бы, чтобы ты умер!

— Господин... я должен вам кое-что сказать.

Чэн Хань чувствовал, что умирает, и одна мысль камнем лежала у него на сердце.

Его лицо было залито кровью, он цеплялся за одежду Линь Цзиньчжи, словно преодолевая страшную боль, стремясь выговорить правду.

От него разило кровью. Чэн Хань сильно закашлялся и наконец слабым голосом поведал о событиях того дня.

Оказалось, Чэн Хань был человеком, внедренным князем Лином в окружение Чу Яня.

После восшествия Чу Яня на престол все люди князя Лина были убиты, лишь он один выжил, влача жалкое существование.

— Названный брат Хань Чжэна... погиб не из-за Его Величества, кх-кх, это дело рук князя Лина.

Его дыхание становилось всё слабее, и, произнеся последнее слово, он закрыл глаза.

Линь Цзиньчжи в шоке смотрел на происходящее, вспоминая странное поведение Хань Чжэна сегодня, и его охватил ужас.

Император в опасности!

Он опустил тело на землю и закрыл ему глаза:

— ...Благодарю.

Но теперь Линь Цзиньчжи был охвачен страхом: войска князя Лина пришли в движение и похитили маркиза Линя.

Маркиз Линь, будучи маркизом Уань, имел возможность мобилизовать отряд императорской гвардии, и после того как его отстранили, эта власть автоматически перешла к Линь Цзиньчжи. Император не отобрал её, что было великой удачей.

Линь Цзиньчжи давно подготовил этот ход. Когда Хань Чжэн и князь Линь объединились, Линь Цзиньчжи повел их в атаку на дворец.

Огонь полыхал целую ночь.

После ночного сражения три стороны остановились, так как князь Лин захватил дворец Бихуан.

Князь Лин предал всех на полпути, очевидно, с целью добраться до Чу Яня. Иначе как бы он, будучи пожизненно заточенным, смог снова увидеть императора?

Хань Чжэн никак не мог поверить, что князь Лин предал его. Всю прошлую ночь их братья шли впереди, и именно они в основном сражались с армией Уань.

Лишившись поддержки войск князя Лина, Хань Чжэн оказался в тупике.

Когда Линь Цзиньчжи, весь в крови, подошел к нему, Хань Чжэн лишь холодно усмехнулся:

— Хочешь убить — убивай.

— Хань Чжэн, ты мой близкий друг, я не убью тебя.

Хань Чжэн стиснул зубы:

— Не убьешь? Я бы предпочел, чтобы ты убил меня! Мы договаривались вместе отомстить распутному императору, но что ты сделал? Влюбился в него?

В глазах Линь Цзиньчжи мелькнула печаль:

— Нас обоих использовал князь Лин.

— ...Я знаю.

— Ты не знаешь! — Линь Цзиньчжи сжал губы. — Я недооценил князя Лина. С того момента, как я тайно встретился с ним, он уже начал плести интриги. Он хотел нашими руками убить императора!

Хань Чжэн замер, словно оценивая правдивость слов Линь Цзиньчжи.

Половина армии Уань была уничтожена, у него не было сил противостоять войскам князя Лина. А если Хань Чжэн не объединится с ним, император действительно окажется в опасности.

Линь Цзиньчжи был вынужден рассказать правду о тех годах.

Услышав это от Чэн Ханя, он наконец понял, почему император молчал, и почему князь Лин тоже хранил молчание.

Он услышал... и тоже не хотел говорить.

— Хань Чжэн, слушай! Твоего названного брата убил не император!

В глазах Хань Чжэна мелькнул шок:

— Что это значит? Князь Лин ясно сказал мне...

— Что бы он тебе ни говорил, всё это было лишь ложью, чтобы воспользоваться тобой!

Хань Чжэн спросил сбивчиво:

— Но как я могу судить, не лжешь ли ты мне сейчас, чтобы воспользоваться мной?

Линь Цзиньчжи стиснул зубы:

— Надеюсь, услышав это, ты не пожалеешь!

В глазах Хань Чжэна блеснул лед, он глухо произнес:

— Что бы это ни было, я не пожалею!

Линь Цзиньчжи наконец не выдержал и медленно начал рассказ о событиях тех лет.

Глава 11

Седьмому принцу было пятнадцать, он уже обладал утонченной красотой.

Наследный принц всё чаще употреблял Порошок холодного камня, и светлых моментов в его жизни становилось всё меньше. Впрочем, после приема порошка его дух был бодрее, чем обычно, но без него... боль была такой, будто сердце выскребают ножом.

Гао Хуа часто видел раны на теле седьмого принца и думал, что тот, находясь рядом с наследником, словно заперт в огромной клетке, а сам принц — золотая птичка в руках

наследника, которая никогда не вылетит наружу.

— Ваше Высочество, я сегодня снова нашел кое-что интересное.

Седьмой принц равнодушно взглянул на вещь в руках Гао Хуа:

— Откуда ты постоянно приносишь мне эти вещи?

— Это... из народа.

— Из народа?

Гао Хуа вспомнил, что седьмой принц никогда не был в народе, и мысленно ударил себя по губам.

Разве это не бережит раны в сердце принца?

Но тот не думал об этом. Всегда пребывающий в унынии, седьмой принц вдруг мягко улыбнулся:

— Я могу... выйти посмотреть?

Гао Хуа оказался в затруднении. Ведь наследный принц всегда держал седьмого принца при себе, и без его разрешения... это было невозможно.

В воздухе повисло молчание, у Гао Хуа не хватило духу ответить.

В этот момент из глубины покоев вышел наследник.

Он положил руку на голову седьмого принца, отчего тот слегка вздрогнул.

Гао Хуа побледнел от страха:

— Ваше... Ваше Высочество!

— Сяо Ци хочет выйти из дворца?

Седьмой принц опустил голову и яростно замотал ею.

Наследник прищурился:

— Если скажешь мне, что хочешь выйти, я возьму тебя с собой, хочешь?

Но седьмой принц был приручен наследником настолько, что не смел ослушаться, лишь опускал голову и мелко дрожал.

Гао Хуа рухнул на колени и принялся бить поклоны:

— Ваше Высочество, это моя вина, я не должен был подстрекать седьмого принца.

Он кланялся с такой силой, что каменный пол вскоре окрасился в бледно-алый цвет.

Губы седьмого принца наконец дрогнули, и он слабым голосом произнес:

— Брат, от поклонов Гао Хуа у меня разболелась голова, пусть он убирается.

Наследник посмотрел на него с полуулыбкой — этот взгляд видел всё насквозь.

— Убирайся.

Тело Гао Хуа обмякло, он осознал собственное бессилие и слабость и поспешил прочь.

Наследник увел седьмого принца обратно, подошло время приема порошка, и евнухи поднесли Порошок холодного камня. Наследный принц, который до этого пил вино, проглотил белый порошок, и на его лице отразилось блаженство.

— Иди сюда, выпей со мной!

Наследник властно схватил его за запястье и притянул к себе. Вино из кубка он насильно влил в рот седьмого принца, тот начал сильно кашлять, и на его бледных щеках выступил румянец.

Наследник насмешливо спросил:

— Вкусно?

Губы седьмого принца дрогнули:

— Вкусно.

Из-за действия порошка жар начал распространяться по всему телу.

<http://bllate.org/book/22166/2309059>